

ГАРИКИ ИЗ АТЛАНТИДЫ

*Володе Найдину, старому другу,
с любовью и благодарностью*

ДЛИННОЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Сюжета нет, сюжет нам только снится, Блок вовсе не покой имел в виду. Ибо покой — это расслабленность, неподвижность, тишина, бездействие и безразличие. И тут немедленно и справедливо всплывает образ покойника. А сюжет — это ровное течение жизни, в которой нету взрывов, потрясений и завихрений. Жизни такой, правда, не бывает, разве только временами, и мы тут же принимаемся скучать, беспричинно нервничать и искать приключений. А как только ввязываемся в них, начинаем мечтать о возвращении к текущему и ровному сюжету.

Такие неглубокие и, разумеется, неверные мыслишки (я давно уже не мыслю правильно) вяло и лениво протекали в моем чуть размягчившемся от алкоголя сознании. Выпил я мало и как-то неудачно: благость и тепло никак во мне не возникали, я поэтому сидел, курил и думал, наблюдая протекающую мимо жизнь аэропорта Шереметьево. Я улетал домой, уже давно с этим понятием у меня связан только Иерусалим, но в Москве в эту поездку на меня так сильно и внезапно нахлынуло прошлое, что я не

мог не философствовать, избывая неизбывное волнение.

Мимо меня проплыла молодая женщина с огромным, устремленным вверх, насколько это было можно, животом. Она несла его с достоинством и плавностью и как-то вся была в себе — как Леда, вспоминающая лебедя на последнем месяце беременности. Вот он, сюжет нормальной жизни, благостно подумал я. Выпитые полстакана виски начинали сказываться.

Теперь о вдруг настигшем меня прошлом. Только вчера я выступал в Театре эстрады. Был полный зал, и нам на радостях позволили устроить пьянку прямо в артистической. Набилось человек сорок, мне были не все знакомы, гам десятка разрозненных разговоров ровно и уютно тек по комнате, сливаясь с сигаретным дымом. Теща моя изредка ходит на мои большие выступления — не чтоб меня послушать, упаси господь, я не страдаю манией величия, а чтобы отобрать у меня цветы раньше, чем я раздам их кому ни попадя. Сейчас она участвовала в общем пьянстве, я на нее изредка посматривал, и вдруг она подозвала меня.

— Пойдите, Игорь, к вон тому седому человеку, — сказала она, — от него когда-то сильно зависела ваша судьба.

Ей это явно только что рассказал собеседник, ее приятель, я его знал мало и мельком. Я немедленно пошел.

— Эдик, — спросил я у невысокого седого человека лет пятидесяти, — мне только что сказали, что

6 от вас зависела некогда моя судьба.

Я уже прекрасно понимал, с кем говорю, но интересны были мне подробности.

— Я расскажу вам, — очень готовно и приветливо откликнулся этот человек. — Только не питайте ко мне всякие обиды, у меня была такая работа.

— Да я тебя готов обнять как брата, — искренне ответил я. — Уже ведь столько лет прошло, уже мне просто интересно.

Он говорил короткими и очень взвешенными фразами. Работал он тогда в каком-то аналитическом отделе КГБ, и ему были представлены годовичные записи моих телефонных разговоров. А задача была поставлена простая (он ее назвал альтернативой): сажать меня в тюрьму или психушку?

— Эдик, — не удержался я, — но ведь тогда, чтоб посадить в психушку, хватало подписи двух каких-нибудь ссученных докторов, а третьего подписывали по телефону, для чего ж тогда со мной были такие сложности? И отрывали занятых людей...

Он засмеялся, и мы чокнулись бумажными стаканами с водкой.

— Мы свои игры разнообразили, — сказал он наставительно, — и вы к тому же были фруктом непростым.

Записи, прослушанные им, тянулись с середины семьдесят восьмого года вплоть до ареста в августе семьдесят девятого. Господи, что я тогда болтал!

— Болтали вы тогда изрядно, — угадал мои мысли опытный собеседник, — только на психушку все же не тянули. Так я в рапорте и написал. А за дальнейшее не обессудьте, я тут ни при чем.

Мы договорились повидаться, он пообещал припомнить разные подробности. Уже меня тянули

в сторону, чтоб выпить. Напоследок он сказал мне замечательные, чисто российские слова:

— Вы тогда были очень, очень неосторожны, и шутили всяко, и стихи свои читали. Но я с тех пор и стал вашим поклонником.

Этот вчерашний разговор не оставлял меня и в Шереметьевском аэропорту. Я вспоминал блаженные шальные годы перед арестом, когда я вел себя как полный идиот, забывший напрочь все предосторожности. Я всей своей тогдашней жизнью обречен был на тюрьму, и мне об этом говорили (жена в первую очередь), но я не мог остановиться и задуматься. Текли стишки к тому же, и, когда какой-нибудь из них казался мне особенно удачным, ждать вечернего застолья не было никаких сил, и я звонил приятелям, его читая. Сколько же их тогда было! И стихов, и приятелей. А после как-то сами по себе остыли и растаяли десятка два тех задушевных близостей, что становились было дружбой, только так ей и не стали. По причинам очень разным и уже малоинтересным. Спасибо, что они были, эти близости. Я вдруг застыл от острого и убедительного ощущения, что ко мне еще вот-вот вернутся осколки, отзвуки и блики прожитого времени. С этим прекрасным чувством я сел тогда в самолет, а потому и помню, как сейчас, то странное утро в Шереметьеве.

Не прошло и полугода, как мое предощущение отменно подтвердилось.

Сперва это былое объявилось давними письмами. Два моих друга — Юлий Китаевич и Саша Окунь — дали мне (каждый — по огромному конверту) те пожелтевшие уже листки, что я многие годы посылал им в Америку и Израиль. Письма шли

через Москву, их отправлял и получал наш общий друг, а потому они почти не пропадали. Я с наслаждением окунулся в свои караули тех лет и много трогательных, начисто забытых эпизодов там нашел. Вот, например, двухлетний сын мой Милька в ночь под Новый год (семьдесят шестой, таким образом) ходил под нашим шумным столом, не путаясь в ногах и никому не мешая, а потом три раза подряд покакал разноцветным конфетти. А вот он десять лет спустя (наслушавшись, очевидно, монологов Тоника Эйдельмана) вдруг спрашивает меня, что главное для великого человека. Я опешил и ответа не нашел. А Милька объяснил мне назидательно:

— Главное для великого человека — не сказать какую-нибудь глупость, потому что ее сразу же запишут.

А художник Миша Туровский из первых строчек песни Окуджавы о веселом барабанщике сделал магическое заклинание и ближе к вечеру шаманским голосом напевал: «Встань, как раньше! Встань, как раньше! Встань, как раньше!»

Но подавляющее большинство писем — из сибирской ссылки, из шахтерского поселка Бородино Красноярского края. И тут я находил немало из утраченного памятью. Я тогда работал далеко от дома и обратно добирался на попутках. Машины-углевозы шли одна за другой, и ни один водитель не отказывался подвезти. И как-то, подобрав меня, шофер спросил, закуривая:

— А это ведь, наверно, ты и есть?

— Конечно, это я и есть, — ответил я охотно, и приятность от известности легко овевала меня, — а ты о чем?

— Да мне ребята говорили, — объяснил водитель, — тут у нас на трассе какой-то хер объявился, всем говорит спасибо-пожалуйста.

Вот первое же после лагеря письмо:

А тот певец еврейских джунглей,
кто так исчез однажды вдруг,
из глубины сибирских углей
тебя приветствует, мой друг!

Я в этом письме немедля (со свирепой, разумеется, конспиративностью) хочу узнать, выходят ли стихи:

...Меня очень интересует судьба того идиота, укрывшегося псевдонимом, как купающаяся блядь — ладошкой (см. картины классиков живописи, фамилии пока не помню, ибо еще путаю эстетику с перистальтикой)...

От чтения этих дивно безоблачных желтых листов на меня пахнуло подлинным воздухом тех лет, непреходящим ощущением плена (именно плена, а не рабства) и ежедневно висящей над головой опасностью вернуться в лагерь. Странно и щекотно было думать, что из глухого сибирского села шли эти весточки в Израиль и Америку, далекие от нашего захолустья гораздо более, чем тысячи километров пространства. И невероятно потому тянуло меня делать выписки из моих потусторонних посланий.

...Вчера я весь день возил навоз для парников под огурцы. Ибо на дворе весна, мой друг, а мы и в молодости были заняты весной заботами, связанными

с плодоношением окружающей среды. Но теперь я возил навоз. На самодельных (заметь!) больших санях, благоухая, как молодая доярка, по весеннему рыхляющему снегу, из-под соседской коровы Зорьки. В перерыве я поставил в холодильник бутылку водки на лимонной корочке, вследствие чего на будущее смотрел с любовью, верой и надеждой. Жаль, что тебя здесь нету (очень трудный подъем на ледяную горку), но ранние огурцы (зеленые, пупырчатые, влажные от росы) будут теперь наверняка...

...Водку мы закусываем салом, лично мной засоленным по несравненному местному рецепту (два сорта перца, чеснок и два дня в тепле), и тебе уже пора возмутиться. Где духовная жизнь? — самое время задать мне негодующий вопрос. Где развитие интеллекта? Поиски смысла жизни? Эстетические запросы? Игры души и разума? Педагогика и самообразование? Увы!..

...Один из гостей подарил мне гривенник 1836 года — большой, как медаль, — я сперва удивился его величине, а после понял, что это просто юбилейная монета, выпущенная в честь столетия, которое оставалось до дня моего рождения...

...Тот кит сопел неистово,
пускал фонтаны страстно,
кропал хвостом эпистолы
и сеял их в пространство.

Аксаков.

Ужение рыбы мудочкой...

...Мужики тут замечательные. Одной бутылки мало, одной бабы много. А у Вас, говорят, педерасты разбушевались. Одного пола ягодицы. Срамота!..

...Одна приятельница, женщина вдумчивая и серьезная, написала мне, что я остался (ее это огорчает) тем же прежним легкомысленным лоботрясом. Слушай, какое счастье, если это так и есть, правда же? Я ведь был всегда и посеичас уверен, что именно остолопы и оболтусы, обормоты, балбесы и прощелыги, бестолочь и разгильдяи, олухи царя небесного, охламоны и шуты гороховые, простофили, обалдуи и болваны составляют радость человечества. Ибо лишь они — «гуляки праздные», как сказал, если ты помнишь, Сальери, полный справедливого негодования в одноименной оперетте Пушкина...

...В письме твоём (нахал и мальчишка) сквозит ирония по поводу клеенки, натянутой мной на стену, — постыдись, ведь кому, как не тебе, художнику, понять, что интерьеры бедности тяготеют к изысканности драпировок, а клеенка — сочетает элегантность с доступностью, то есть создает гармонию материи с духом...

...Пишу тебе сейчас, чтобы сразу же объяснить прямо и честно: более я с тобой дружить не могу. И не потому совсем, что меня что-нибудь не устраивает в твоих безупречных достоинствах, а потому, что две недели назад между нами легла непроходимая имущественная пропасть: ты как был, так и есть художник (очень, кстати, хороший, следует

отдать тебе должное), а я теперь — домовладелец и, прости меня, тебе не чета...

...А при доме, старик, живет замечательный кот... Он весь черный, как душа сиониста, только два белых галстучка — на шее и еще в одном месте. Последнее колористическое достоинство сводит с ума хвостатых бородинских прелестниц... Кормить его чем-либо необычным я не решился, представив себе этот кошмар: матерому сибиряку перебегают дорогу черный кот, набитый израильскими бульонными кубиками...

...Дорогой Саша, если бы ты знал, какие здесь красивые сумерки, то немедленно помчался бы в Вену умолять о возможности возвратиться. Серебристо-темно-голубые, мистические чуть от сочетания с луной и снегом, очень напоминающие и начало белых ночей в весеннем Питере, и украинские вечера. Куинджи сошел бы с ума, попади он сюда на химию... Твой друг, химик физического труда...

*...Не грусти, художник Окунь,
брось теснить печалью грудь,
мы еще с тобой конь о конь
поскакаем как-нибудь...*

...Об огороде и писать нечего, это надо видеть своими глазами, как от брюквы до фасоли, включая огурцы, морковь, картошку, мак, капусту, редиску, горох, свеклу, выросли здесь, к моему удивлению (и не только сами растения, но и плоды висят и торчат в земле). А лук! А тыква! Подсолнухи, бобы, клубни-

ка, малина, век мне свободы не видать, если вру. Укроп, щавель, салат и даже (по ошибке, надул продавец семян) — кормовая свекла, к радости соседки, у которой есть поросята...

...Особо и сердечно я тебя благодарю за гениальный совет купить лошадь, чтобы было кому скармливать случайно посаженную кормовую свеклу. Говорят, сейчас незадорого можно приобрести ветеранку Первой Конной, а свеклу (так как зубов у лошади уже, конечно, нет) я ей буду после работы натирать. В результате я получу навоз, которым смогу удобрить огород в размерах, необходимых для следующего урожая свеклы. Замкнутость этого цикла восхищает мое воображение, любящее, как тебе известно, порядок и рациональность...

...А у нас великолепная стоит на дворе осень. Жалко, что уехало столько левитанов...

* * *

...А местный кетчуп именуется горлодером — делают его, пропуская через мясорубку помидоры, хрен и чеснок, и даже Муций Сцевола издал бы стоң, попадись ему это как закуска...

...Редьку мы собрали сами, а брюкву (ибо это хрюкт для хрюшки) оставили старой соседке. Так эта бабка, уцепившись за ботву, долго стояла в бесильной неподвижности, ибо дедки давно у нее нет, внучка прожигает жизнь в районном техникуме,

Жучку она с цепи не спускает (пес дурной), кошка торчит на неизвестно чьей помойке (чаще всего у нас), а мышку давно съел наш Васька. Кое-как вытащили эту брюкву, место ей на самом деле — в кунсткамере, где сиамские близнецы ссохлись бы от зависти к ее формам, а художники с сексуально раненым подсознанием — свихнулись полностью от столь яркой галлюцинации...

...А со мной тут тоже произошла одна живописная история, кою не могу тебе не рассказать. Собираясь делать ремонт и белить стены, я бухнул в приготовленную побелку маленький пакетик краски, похожей на синьку (здесь такой торгуют какие-то случайные старухи), дабы у стен был голубоватый оттенок. И все это размазал по стенам и потолку, а утром явился в комнату, чтобы полюбоваться ровной, слегка голубоватой белизной свежепобеленного помещения. То, что я увидел, с гарантией повергло бы в завистливый столбняк всех Василиев Кандинских и Питов Мондрианов, ибо ничего совершеннее не создавала кисть абстракциониста. А так как были еще запятые, червячки и нечто прочее, то и тень Пауля Клее наверняка шевельнулась где-нибудь от восторга. А в углах (именно в углах почему-то) проступили зелены, кои Матиссу и другим фовистам снились под утро с перепоя. А возможно, даже и не снились. Некая, впрочем, закономерность (а следовательно, и симфоничность, композиция) все-таки отчетливо наблюдалась: так, места, ранее замазанные глиной, были в середине алые, как щека девицы, услышавшей случайно, как выражают

свои чувства мои коллеги, а вокруг шла строгая очередность богатейшего (и строго выдержанного) северного сияния. Те же места, где дыры в стене были заделаны алебастром, расцвели цветами побежалости (видел ты наверняка такое на раскаленном железе, только не в таком изобилии оттенков). С остальными частями стены случилась вот такая химия: компоненты краски последовательно (или параллельно) вступили в реакцию со всеми предыдущими слоями (дому — двадцать лет) побелок и покрасок — и с непредсказуемым для них самих результатом. Очень я, старик, очень жалею, что ты не был у меня в гостях. Поступил я, к сожалению, как фраер (или как Гоголь, если хочешь) — уничтожил это дивное творение слоем, нанесенным сверху...

...Ибо, как точно и метко не сказал какой-то из художественных критиков: «Давно уж в этом Окуне дремали черти в коконе»...

...Наплюй на Париж и приезжай сюда в сентябре — порисовать осенние ветра и шорох опавших листьев...

...Скороспелый сионизм представляется мне настолько нервически-художественным (а не душевным) явлением, что название экспрессионизм подходит ему куда более...

...Покормил своего щенка Ясира одним из ваших буржуазных супов — результат поразительный: 16 кобелек мой вдруг стал предприимчив, инициативен

и нагл, сколотил себе компанию таких же хвостатых недорослей и теперь промышляет рэкетом возле продовольственного магазина. Вот откуда у вас на сгнившем Западе такая преступность, старик, — от супов она идет, от питания...

...Тата полна безумного количества всяких страхов, часть которых вполне обоснованна: сейчас у нас, к примеру, весна, с крыш течет, и Милю может ушибить капелью...

*

Я все это читал, выписывал и полон был благодарности к тощим осколкам эпистолярного жанра, насмерть ушибленного в наше время электронной почтой и другими радостями цивилизации. Я просодушно был уверен, что конверты с письмами — это и есть то прошлое, которое, как я предчувствовал чуть ранее, ко мне вернулось.

Я ошибался.

В самом-самом конце лета судьба подкинула мне странный подарок. Началось с того, что к нам в Иерусалим позвонил некий московский денежный мешок. Он приглашал меня принять участие в заведомо пышных торжествах по случаю его дня рождения (и даже юбилея, кажется). Сначала, собственно, он излагал, чем управляет и владеет и кого он знает из хозяев нынешней российской жизни. Первым назван был премьер-министр, а потом пошли различные олигархи. Я газеты не читаю, телевизор не смотрю, но даже мне две-три фамилии, им названные,

были знакомы. Для моего уха это перечисление было настолько странно, что я не слишком вежливо перебил его, сказав, что чем дольше он называет эти владетельные имена, тем он становится мне менее симпатичен, лучше перейти к проблеме, побудившей его позвонить.

Вот тут-то и означился юбилей, в котором мне предлагали принять участие, щедро оплатив мой балагурный труд. Тем более мои сотрудники, сказал молодой олигарх, уже выяснили, что все равно как раз вы будете в Москве в эти дни. «Этих дней не смолкнет слава», — дернулся я начать прежде времени свой будущий конференс, но догадался промолчать. Будет человек сто, продолжал олигарх, а на следующий день будет только человек десять — все из правительства, и нету никакой проблемы продлить вам визу и сменить билет. Он даже дату моего отъезда знал. Я сразу отклонил лестное предложение о высоком следующем дне, а покривляться на юбилее с удовольствием согласился. У меня для этой роли тем более был уже небольшой давний опыт. Лет двенадцать назад, когда мы еще только приехали и, естественно, бедствовали, мне позвонила незнакомая молодая женщина из маленького израильского городка. Ее отцу исполнялось шестьдесят лет, он очень любил мои стишки, читавшиеся им еще в самиздате, и теперь сын с дочерью хотели порадовать отца подарком в виде живого автора. И чтобы я гостям что-нибудь, конечно, почитал. На деньги, мне предложенные, можно было бы прожить безбедно приблизительно неделю (сильно меньше, если честно), я мгновенно согласился. Волновалась

только жена Тата — нет, не то чтобы она стыдилась, что меня наняли в застольные шуты, но по привычке боялась, что я наболтаю глупостей, словно сижу в своей компании. Впрочем, и она тревожилась не слишком, надеясь на свое благотворно тормозящее присутствие. Я тоже на него надеялся. Как написал мне один старый друг: «Не оставляй себя без присмотра!» Все обошлось тогда на редкость хорошо: юбиляр оказался очень симпатичным человеком, а количество его любимых анекдотов было таково, что я спустя час громогласно предложил ему разделить с ним гонорар.

А на теперешний сулимый гонорар можно было бы прожить с полгода — но ведь и я за это время вырос, подумал я самодовольно. Я развиваюсь медленно и вяло, подумал я вслед за этим, но в развитии своем я сам себя опережаю. Эту лихую мысль я тут же записал, поскольку обожаю чушь любого вида.

Сперва молодой олигарх пытался сбить оплату моего заведомо тяжелого труда до обычной стоимости выступления, но я категорически и сухо объяснил ему, что концерт в большом людном зале — дело благородное и приятное, а мне предстоит чистое позорище, и потому цена должна быть выше. Он меня мгновенно понял — сам, должно быть, полагал это позорищем. Мы договорились созвониться по приезду, и еще с месяц я всем хвастал, что опять удачно нанялся в подблюдные шуты.

Хвастал я по вечерам, на пьянках, а все дни подряд были забиты какой-то мелочной житейской суетой. Я на старости лет превратился в настоящего работника умственного труда: самое плевое дело

требует от меня умственных усилий. Поэтому любимое свое занятие — безделье с вялыми мыслишками — я почти забыл в тот месяц. Впрочем, был один оазис, и я до сих пор вспоминаю этот день с благодарностью. Я тогда с утра начитался всяческих ругательных статей о глобализации сегодняшнего мира, о стремительно нарастающей похожести человеческих жизней на всех континентах и о том, как люди гневно реагируют на американизацию всей планеты. А начитавшись и улегшись покурить, я тяжело задумался, в чем тут еврейская вина. Поскольку всем известно с давних пор, что в любой и каждой крупной пагубе виновны евреи, а здесь была как-то не очень явственна наша зловерная причастность. Но, выпив рюмку, я немедля догадался, и счастье непреложной истины окутало меня. Ведь первым шагом к мерзости глобализации было придуманное нами некогда единобожие! Так что, в общем, я не зря прожил тот месяц.

А к отъезду ближе (вспомнила, конечно, Тата) мы сообразили, что балагурство мое приходится на Йом-Кипур, а к Судному дню отношусь серьезно даже я. В субботу я спокойно езжу на машине, но в Судный день Иерусалим так пуст, как будто все машины разом отказали своим владельцам. А тяжелый душный ветер хамсин, почти всегда приходящий в это время, усиливает мрачную торжественность, повисающую в атмосфере города. Толпящиеся возле синагог евреи в белых праздничных одеждах в этот день особенно заметны. В Йом-Кипур, согласно библейской мифологии, решается на небесах судьба еврея на текущий

Губерман И.

Г 93 Гарики о временах и людях / Игорь Губерман. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 384 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-24781-9

Гарики Игоря Губермана прославлены на весь русскоязычный мир. Недаром автора прозвали «мастером поэтической миниатюры», читать его меткие, остроумные четверостишия — удовольствие необыкновенное. А под внешней простотой формы в них скрыты вечные истины, о которых так легко забыть.

Настоящее издание впервые объединяет под одной обложкой сборники гариков, часть которых выходила лишь в составе прозаических текстов автора: «Гарики из Атлантиды», «Закатные гарики», «Брызги Античности», «Клуб мудрозвонов» и «От пяти и выше».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-5

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ИГОРЬ МИРОНОВИЧ ГУБЕРМАН
ГАРИКИ О ВРЕМЕНАХ И ЛЮДЯХ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Елена Терскова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.01.2024.
Формат издания 70 × 102 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 15,84. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-PTR-33762-01-R